

Уже давно развеяно представление о том, что берега Невы допетербургских времен были совершенно пустынными. Спору нет, на Заячьем острове, где Петр I начал возводить крепость, люди не селились — низкий берег здесь часто затопляла Нева. Первое в истории Петербурга наводнение случилось в августе 1703 г. Оно оказалось неожиданным для солдат и строителей крепости на Заячьем острове, но никак не для местных жителей, знавших нрав своей реки. Генерал князь А. И. Репнин писал о наводнении Петру I: «А жители здешние, государь, сказывают, что в нынешнем времени всегда то место заливают».¹¹ Как пишет, опираясь на данные переписей населения устья Невы, финский ученый Сауло Кепсу, поселений на острове Яниссаари (Заячьем) не было, «и во времена шведского правления его использовали в качестве сенокосных угодий».¹² Но уже чуть выше по течению реки, поодаль от ее низких берегов, стояли деревни и мызы, простирались поля, пастбища, огороды. Освоенными и заселенными были южный и восточный берега острова Койвусаари (будущий Петербургский), береговая линия Васильевского (Васильева, Хирвисаари) острова по Малой Неве, а также некоторые места будущей Адмиралтейской стороны (так было в «углу», образованном Невой и рекой, названной при Петре Фонтанной, или Фонтанкой).

Еще гуще были заселены среднее течение и верховья Невы. Как писал изучавший систему поселений в Приневье С. В. Семенцов, «от Нотебурга до Ниена вдоль берегов Невы и дорог общегосударственного значения (т. е. вдоль дорог, ведущих к Нарве и Выборгу. — Е.А.) сплошной чередой шли поселения, особенно густо размещавшиеся от устья реки Ижоры до истока будущей реки Фонтанки. Приневские поселения имели разные размеры: от 1—3 дворов до крупных, в несколько десятков дворов. Среди крупнейших: Гудилова Хоф (Gudilowa hoff, ныне Усть-Славянка), Костина (Kostina by, ныне Рыбацкое), Коллекюля, или Каллис (Kollekyla, Kallisi,

⁹ *Хавен П.* Путешествие в Россию // *Беснятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 309.

¹⁰ *Альгаротти Ф.* Русские путешествия // НА. Сб. 3. С. 252.

¹¹ *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782. СПб., 1884. Примечания. С. 27.

¹² *Kepcu С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2001. С. 37.

в районе начала будущей ул. Крупской), Вихтула, или Виктори (Wichtula by, на ее месте построена Александрo-Невская лавра)».¹³

Отступление

Ничто не забыто, никто не забыт

Из недавно переведенной с финского языка книги Сауло Кепсу «Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра» мы можем узнать о расположении буквально каждой деревни, стоявшей здесь, на месте будущего Петербурга, в течение всего XVII в., прочитать все варианты и разночтения в их названиях, узнать имена людей, когда-то в них живших. На основе картографических данных, переписных книг и шведских описаний финский историк «ведет» поразительно детальную «экскурсию» в допетровское время Петербурга. Вот лишь один, типичный для этой книги, пример: «На южном берегу Фонтанки почти напротив нынешней площади Ломоносова была деревня под названием Медина... Хотя о названии деревни в XVI веке сведений нет, можно предположить, что поселение возникло не позднее средних веков и первоначально, возможно, называлось Миеттиля (Miettila), которое русские писари записали в форме Меттина и Медина, а позднее — Медино. Самые поздние формы написания — Метала, Меттала — могут быть финскими образованиями русских искаженных форм. Если первоначальное название было Миеттиля, то население может происходить из Кивеннапа (Первомайское), где находилась деревня Миеттиля (Mettalaby, 1602)... В 1634 году в Миеттиля было два православных хозяина: Офонька Яковлев, родившийся в деревне, и Фомка Андреев, родившийся в соседней деревне Калганицы. В 1639 году сюда переселился ижор Мортен Корвойн (1644) из Ревонненя в Корписелькя, где в деревне Пальён проживал род Корвойненьх. Корвойненьх переехали в Корписелькя из Эюряпя в 1590-е годы. Православные роды в Миеттиля оставались на местах до русско-шведской войны 1656—58 гг. и частично даже после войны. Еще в 1690-е годы половину населения составляли ижоры. В 1680-е годы переселенцами были: Давид Пупутайа, Даниэль Пупутайа и Матс Нуйя (1688), все, вероятно, православные из губернии Кякисалми, так как в начале 1600-х годов имя Пупутти встречается еще в Хийтола, Ряйсяля и Каукола, а имя Нуйя — в деревне Раасули в Рауту».¹⁴ И так детально сказано о населении десятков деревень в устье Невы.

Местное население было пестрым: здесь жили водь, ижора, финны, русские, шведы, немцы. Включив Ингрию в состав королевства, шведы

¹³ Семенцов С. В. Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 135.

¹⁴ Кепсу С. Петербург до Петербурга. С. 55—56.

проводили политику вытеснения русского населения с завоеванных территорий. По подсчетам С. В. Семенцова, доля русских в общем составе населения Ингрии сократилась с 89,5% в 1623 г. до 26,2% в 1695 г., что позволило исследователям справедливо усмотреть в этом фактическую смену населения.¹⁵ Уже по условиям Столбовского мира 1617 г. русским дворянам, не желавшим стать подданными шведского короля, предоставлялось всего две недели, чтобы покинуть пределы Ингрии. Вскоре после завоевания ее население, исповедовавшее православие, оказалось в тяжелом положении. Шведские власти усиленно насаждали лютеранство, которое, как известно, было весьма суровой религией, не терпевшей конкуренции. Принявшие лютеранство православные христиане получали налоговые и прочие льготы. Но многие предпочли перейти через границу на русскую сторону и обосноваться на Новгородской земле.

Шведские короли активно привлекали в Ингрию иностранцев, обещая им земли и иные блага. Сюда зазывали переселенцев из Германии и Голландии, предоставляя им столько земли, сколько те могли освоить. Однако эти неприветливые, холодные места не особенно манили западных европейцев.¹⁶ Одновременно стокгольмские власти охотно раздавали приневские земли дворянам — выходцам из самой Швеции. Новые помещики строили здесь усадьбы, перевозили сюда крепостных, и это предопределило перевес переселенцев в общей массе населения Ингерманландии.

К моменту появления русских войск в устье Невы в 1703 г. земли, на которых вскоре начал строиться Петербург, были уже разделены между крупными шведскими землевладельцами. Самые большие владения принадлежали губернаторам, управлявшим этим краем, — Бернхарду С. фон Стеенхузену, Карлу-Карлсону Юлленгельму и Юхану Шютте. Первому принадлежали обширные земли вокруг Ниеншанца, а центр его владений находился в усадьбе Бьенкергольм Хоф на острове Койвусаари (будущий Городовой, Петербургский остров). Вдоль правого берега безымянной реки (Фонтанки) и у «малой речки», получившей в петербургский период название Мойка, располагались земли братьев Аккерфельт. Их усадьба «Аккерфельт» стояла примерно в том месте, где теперь располагаются Михайловский замок и цирк. Часть этого имения в середине XVII в. отошла к выходцу из Германии, моряку шведского флота Эриху Берндту фон Коноу, который построил усадьбу Коносхоф (Konos hoff). Усадьба находилась как раз в том месте, где река Фонтанка вытекает из Невы.¹⁷ Фон Коноу был, по-видимому, хозяином усердным, он разбил в имении хороший сад, который в 1704 г. и стал основой для Летнего сада Петра I.

Местное население занималось в основном рыболовством, охотой, сеяло яровую рожь, овес, ячмень, в городах было много ремесленников. Годы,

¹⁵ Семенцов С. В. Система поселений... С. 131—132.

¹⁶ Эренсверд У. Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы. С. 19—20.

¹⁷ Семенцов С. В. Система поселений... С. 133.

предшествовавшие русскому вторжению в Ингрию, оказались очень трудными для местных жителей. В 1695—1697 гг. Восточную Прибалтику поразил неурожай, который привел к памяtnому в истории Швеции «Великому голоду», массовой смертности людей, падежу скота, исходу жителей в более хлебные места. С. Кепсу пишет: «Условия жизни в Ингермандии на рубеже двух столетий были ужасными. Генерал-губернатор Отто Веллинг в своем письме в Стокгольм от 13 января 1700 года писал, что земля находится в запустении, что только Бог и Его королевское величество могут вывести ее из этого состояния». На основе судебных дел Кепсу показывает, как среди жителей распространилось мало встречавшееся ранее преступление — воровство из амбаров разных продуктов, и прежде всего зерна, которое похищали «через щели в полу. В полах также просверливали дырки, из которых зерно бежало из ларя прямо в мешок. Ворами часто оказывались маленькие девочки и мальчики, которые могли пролезть в тесные пространства под полами. От голода люди были готовы на все, как, например, Ахвонен Пентти из Шанцев (Ниеншанца. — Е.А.), который для того, чтобы добыть мясо, залез через крышу в коровник и задушил единственную корову Килкки Антти».¹⁸ Если в 1696 г. численность населения интересующих нас мест составляла 66 тыс. человек, то в 1699 г. она сократилась более чем на треть. Не будем забывать, что населению Ингрии вскоре предстояло еще испытать все тяготы Северной войны 1700—1721 гг.¹⁹